

Набойченко С.

Самородок, мыслитель, труженик / Станислав Набойченко // Наш Букетов: Евней Арстанович Букетов в воспоминаниях современников. – Караганда: АРКО, 1997. – С.32-38.

Евней Арстанович относится ко второму поколению советских ученых-металлургов. Тем, кто находится сегодня на руководящих постах, уже 45-50 лет и они представители 3-го поколения. К ним отношусь и я, поэтому мое ощущение личности Евнея Арстановича можно соотнести через градацию "отец-сын".

Я не претендую на объективный портрет этого интереснейшего человека, мои личные контакты с академиком Букетовым непродолжительны. Излагаемые мысли - конгломерат личного ощущения, сложившегося под впечатлением изучения его трудов и кратковременных встреч и мнений о нём моих учителей.

В.И.Смирнов (1899-1972), академик АН республики, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор технических наук, с 1930 по 1970 годы возглавлял кафедру металлургии тяжелых цветных металлов Уральского политехнического института имени С.М.Кирова. Вот его мнение: "Букетов - очень способный казах, самородок. Он талантлив, он - труженик". Позднее В.И.Смирнов с готовностью консультировал его, дал отличный отзыв на его докторскую диссертацию, охотно помогал его помощникам, молодым в то время Малышеву В.П., Угорцу М.З. Судя по теплым воспоминаниям В.И.Смирнова о встречах с Е.А.Букетовым, последний был, по-видимому, скромн, внимателен к старшим - качества, которые В.И.Смирнов ценил у людей особо.

С.И.Кузнецов (1918-1981 г.г.) - заслуженный металлург РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1961-1970 г.г.), 31 год возглавлял кафедру металлургии легких металлов, профессор, доктор технических наук: "Евней Арстанович – очень интеллигентный, тактичный человек, особенно добр к друзьям. Хотя и дипломат, но нажил и врагов. Кстати, вы, молодежь, знаете, что он не только писатель, но и отменный переводчик".

И.Ф.Худяков (1921-1988 г.г.) - заслуженный деятель науки и техники РСФСР, проректор УПИ по научной работе (1970-1979 г.г.), заведующий кафедрой металлургии тяжелых цветных металлов (1971-88 г.г.), профессор, доктор технических наук: "Евней - отличный друг, хороший организатор, человек дела, за едким словом в карман не полезет".

Я привел высказывания авторитетных людей, известных специалистов, ученых и педагогов в области цветной металлургии, хорошо знавших Евнея Арстановича. У профессоров Смирнова В.И., Кузнецова С.И., Худякова И.Ф. я не только учился, но и пришлось совместно с ними работать многие годы. Это добротные люди. Поэтому их мнения о Евнее Арстановиче я считаю как объективную информацию и оценку.

Впервые я увидел Евнея Арстановича осенью 1964 года, когда он приезжал на кафедру по апробации своей докторской диссертации. Его сопровождал И.Ф.Худяков в экскурсии по лабораториям. Зайдя в автоклавную лабораторию, Букетов живо интересовался техникой использования вращающегося диска для исследования кинетики растворения в автоклавных условиях.

Будучи аспирантом, и, как всякий молодой человек, я придиричиво рассматривал гостя, вслушивался в его вопросы, анализировал суть его высказываний. Мы, молодежь кафедры, очень уважали И.Ф.Худякова (статный, деловой, динамичный, знающий), и я, естественно, анализировал ощущение от гостя на фоне близкого и понятного для меня Ивана Федоровича.

Евней Арстанович оказался рослым и представительным, немного полноватым (для меня, в то время спортсмена, это считалось недостатком) мужчиной. Чистое округлое лицо, выразительные крупные черные глаза (цвета спелой вишни), густые черные волосы в форме двух упрямых прядей. Он больше слушал, но когда отвечал или спрашивал, то чувствовалось, что он хорошо усваивал информацию, а дополнительные вопросы касались глубинных нюансов обсуждаемой тематики. Во время беседы Иван Федорович рассказал анекдот на злободневную тему. К моему удивлению, от; восточной сдержанности гостя ничего не осталось; оба они! смеялись естественно и открыто. Евней Арстанович в долгу не остался, но его рассказ, в отличие от рубящей короткое фразы И.Ф.Худякова, был преподнесен в более живой: литературной форме, повеяло стилем (да и шаловливостью сути) сказок Шехерезады. В завершение рассказа оба эти красавца-мужчины (им было в районе 40 лет) смеялись еще громче, приятельски похлопывая друг друга по плечу. Выступая в роли судьи, я все-таки отдал предпочтение И.Ф.Худякову, но оно было "с небольшим преимуществом". Обсуждая итоги визита и отвечая на мои многочисленные "Кто и почему?", Иван Федорович в конце произнес обобщающее: "Интересный и хороший мужик!" (эта грубоватая форма оценки, по существу, отражала высшее уважение которое И.Ф.Худяков устно выражал в адрес своих знакомых).

Я окончил аспирантуру, на защиту диссертации поступил и отзыв из Карагандинского химико-металлургического института за подписью д.т.н. Е.А.Букетова и к.т.н. Угорца М.З. Отзыв положительный, интересный, замечания обстоятельные, просто соглашаться не хотелось, понадобились разъяснения.

Затем в период 10-летней работы в Унипромеди я неоднократно контактировал с ближайшими помощниками Е.А.Букетова (Малышевым В.П., Угорцом М.З., Шкодиным В.Г.) в период проведения ими больших и полезных работ по модернизации переработки шламов медеэлектролитного производства. Во время бесед (нередко в неофициальной обстановке; мы были молоды и стопка-другая водки или вина не влияла на наше поведение, а беседа шла оживленнее и непринужденнее!) мы обсуждали многие проблемы, перемалывали косточки сторонникам или противникам прогресса.

И всегда я слышал уважительную оценку роли Евнея Арстановича в развитии фундаментальной науки и образования на Северном Казахстане.

Мы радовались успешному развитию технологии с использованием печей шахтного типа, внедрению плавки концентратов на Балхашском комбинате, недоумевали и строили догадки, почему Евнея Арстановича только на третий раз избрали членом-корреспондентом АН республики, удивлялись его очередному мужественному шагу возглавить становление Карагандинского университета, от души приветствовали присуждение ему Государственной премии СССР за цикл работ по усовершенствованию технологии на Балхашском комбинате, избрание его действительным членом АН Каз.ССР, беспокоились, что Евней Арстанович стал иногда хандрить и даже болеть.

В этот период под его руководством было завершено немало аспирантских работ, которые отличало надежное физико-химическое обеспечение, актуальность тематики, "букетовские" пытливість и мысль, хороший литературный стиль.

Все это время научные связи между Кар.ХМИ и организациями цветной металлургии Свердловска (в первую очередь Уральским политехническим институтом, Унипромедью) упрочнялись; это выражалось и в обмене информацией, совместных работах, приятных встречах на конференциях, помощи в организации защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора технических наук. Карагандинскую школу физхимиков-металлургов-цветников надежно представлял в 70-е годы академик Е.А.Букетов с докторантами Малышевым В.П., Угорцом М.З., а в Свердловске - профессора Бабаджан А.А., Каковский И.А., Кузнецов С.И., Окунев А.И., Худяков И.Ф.

В 1978 г. я подготовил докторскую диссертацию, посвященную изучению и разработке автоклавных технологий в металлургии меди. И при формировании "команды оппонентов" наш выбор с И.Ф.Худяковым остановился и на Евнее Арстановиче: "Компетентен, авторитетен, динамичен, но перегружен". Поэтому любезное согласие его быть оппонентом моей работы было для меня, а по мнению И.Ф.Худякова, и для нашего докторского Совета, почетным и полезным. Все шло нормально, разослан автореферат, получены отзывы от двух оппонентов и передового предприятия, защита назначена на 7.02.79 г. И вдруг за две недели до защиты Евней Арстанович приглашает меня в Караганду, показывает экземпляр диссертации с правками, дает прослушать диктофон с его замечаниями и обобщает: "Очень хорошая работа, но немало стилистических погрешностей, надо их исправить. Мне, казаху, неудобно делать вам, русским ученым, замечания о стиле русского языка". Вполне понятно, я был огорчен, даже пошел на обострение: "Согласен защищать при любом Вашем отзыве". Евней Арстанович остался непоколебим. Ни разъяснения, ни просьбы председателя докторского Совета и его заместителя не повлияли на его решение. Пришлось защиту перенести на месяц, к моему несчастью, срок полномочий Совета к этому моменту истек. И только через год в феврале 1980 г.

состоялась защита. Евней Арстанович дал хороший отзыв, голосование единогласное, через полгода пришло утверждение ВАКа.

Год не прошел для меня даром еще и потому, что я достал опубликованные художественные произведения Букетова Е.А., с удовольствием их прочитал, отмечая про себя живость языка и сочность образов. Признаюсь, я внимательно просмотрел еще раз ряд монографий под авторским редактированием Е.А.Букетова: стилистически они были написаны совершеннее, чем моя докторская диссертация.

Не скрою, было обидно, даже сгоряча непонятно, но, оценивая эти события по временному фактору, сознаю: "Урок я получил сильный. Стараюсь максимально обдумывать построение и изложение фразы, мысли". Конечно, я благодарен за такую встряску. И однозначно так поступить мог не только сильный, но и убежденный в своей правоте человек.

Судьба предоставила возможность еще раз встретиться с этим интереснейшим человеком. Дело было на защите докторской диссертации В.П.Малышева. Евней Арстановича хорошо знали в Совете и всегда ждали оригинального обобщения, поэтому, когда он попросил слова в дискуссии, восстановилась в зале полная тишина. Его речь отличала строгость и четкость, ясность и образность, мудрость и юмор. Помню его каламбур, очень удачный и к месту. Сильная работа В.П.Малышева была посвящена теории и практическим приложениям печей шахтного типа. Давая оценку достоверности разработанной методики расчета реакторов шахтного типа, Евней Арстанович привел данные, не отраженные в диссертации, об эффективности использования этих аппаратов и для сушки зерна. При этом эффект состоял не только в большой производительности и глубине сушки, но и в том, что свиньи, которым скармливали это зерно, набирали в массе гораздо быстрее, чем в контрольной партии подопытных животных. Евней Арстанович с видимой горечью заключил: "Действительно, пути науки неисповедимы. Получилось так, что я, мусульманин, способствовал процветанию свиней-животных, мерзких по Корану". Конечно, зал ответил дружным оживлением.

В последующие годы я считал приятным долгом поздравлять Е.А.Букетова с праздником, оперативно реагировать на авторефераты диссертаций его учеников, оказывать посильную помощь в организационных вопросах сотрудникам ХМИ АН Каз.ССР. Словом, добротные отношения между нашими организациями, заложенные нашими учителями, сохраняются.

Известие о трагической кончине Е.А.Букетова очень огорчило И.Ф.Худякова и меня. Мы направили соболезнование. И все-таки было непонятно и обидно: "Как получилось, что такой талантливый человек скончался в расцвете творческих сил". Без сомнения, объективную оценку событий, роли отдельных личностей даст время. Не дело нам, уральцам, со стороны пытаться разбираться во взаимоотношениях, сложившихся между учеными северных и южных научных провинций Казахстана.

Но если бы спросить мнение уральцев, знавших и участвовавших в развитии и становлении научной мысли на казахской земле, без сомнения,

имя академика Букетова Е.А. они бы назвали в ряду талантливых сынов Казахстана К.Сатпаева, М.Ауэзова.

Талант Е.А.Букетова сформировался и расцвел в годы Советской власти, в условиях братской взаимопомощи и контактов с великим русским народом, с другими народами нашей страны. Истинный ученый всегда интернационален. Этому является подтверждением и кипучая жизнь Е.А.Букетова, труды которого хорошо известны в нашей стране и за рубежом, благодаря которым он продолжает жить и трудиться вместе с нами.

Букетов university